

Светлана Станиславовна Лукашова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32-А
E-mail: bractwo@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0793-7907

Интеграция малороссийской элиты во властные структуры России в конце XVII — XVIII веке

DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.02

Аннотация: В статье рассмотрены способы вхождения представителей малороссийской старшины в состав политической элиты России в конце XVII — XVIII в., в том числе заключение брачных союзов, аманатство и заложничество в целом, рекрутация духовных лиц и выпускников Киево-Могилянской академии. Представлен анализ черт сходства и различия политики российских властей в отношении Малороссии и восточных окраин империи; выявлены наиболее перспективные стратегии интеграции. Важнейшим из векторов «украинского влияния» следует считать рекрутацию черного духовенства (монахов, игуменов и архимандритов Киевской митрополии) с их дальнейшим карьерным ростом. Интеграция малороссийской политической элиты во властные структуры России XVII–XVIII вв. была продиктована, с одной стороны, закономерностями интеграционных и унификационных тенденций внутри империи: государство регламентировало объем, направления и способы инкорпорации старшины, определяя рамки допустимых социальных и политических изменений в стране. С другой стороны, этот процесс подкреплялся высоким уровнем сословной конкуренции, дифференциации и стратификации внутри малороссийской старшины.

Ключевые слова: Малороссия, Украина, Россия, элита, интеграция, казачья старшина, аманаты, сословный статус

Svetlana S. Lukashova

PhD (History)
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences.
119334, Leninsky Prospect, 32A, Moscow, Russia
E-mail: bractwo@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0793-7907

The Malorussian Elite Integration into Russian Power Structures in the late-Seventeenth and Eighteenth Centuries

DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.02

Abstract: This article examines the ways the representatives of the Malorussian starshyna entered the political elite of Russia in the late-seventeenth and eighteenth centuries, which included methods such as the conclusion of marriage unions, amanatstvo and hostage-taking in general, and the recruitment of clergy and graduates of the Kyiv-Mohyla Academy. The article presents an analysis of the similarities and differences in the Russian authorities' policy towards Malorussia and the eastern outskirts of the Empire and the most promising integration strategies are identified. The most important vector of "Ukrainian influence" should be considered the recruitment of black clergy (monks, hegumens, and archimandrites of the Kiev Metropolitanate) by furthering their career growth. The integration of the Malorussian political elite into the power structures of Russia in the seventeenth and eighteenth centuries was dictated, on the one hand, by the integration and unification trends within the empire: the state specified the scope, direction, and methods of starshyna incorporation, defining the magnitude of permissible social and political changes in the country. On the other hand, this process was supported by a high level of class competition, differentiation, and stratification within the Cossack starshyna.

Keywords: Malorussia, Ukraine, Russia, elite, integration, Cossack starshyna, amanats, estate status

К середине XVII в. Россия уже накопила определенный опыт взаимодействия с региональными и национальными элитами, которые продолжали в разной степени сохранять внутреннюю структуру и своеобразие, однако в случае с Малороссией имелись дополнительные важные обстоятельства. Прежде всего, размеры территории и численность населения делали Малороссию влиятельным актором на международной арене — за контроль над ней, кроме России, боролись Речь Посполитая и Османская Порты. В этих условиях простая тактика установления единой внешней границы и постепенного и органичного процесса сближения Малороссии и России потерпела крушение из-за особенности поведения казацкой старшины, которую современный украинский историк Тарас Чухлиб деликатно назвал «поливассалитетом»; суть ее сводилась к готовности старшины к подписанию любых союзнических и вассальных договоров без признания их окончательного характера¹. Малороссийская политическая

¹ Чухлиб Т. Секрети українського полівасалітету: Хмельницький — Дорошенко — Мазепа. Київ, 2011.

элита делилась на несколько партий с прямо противоположной внешне- или внутривполитической ориентацией, причем каждый семейный клан участвовал во всех группировках. При любом внешне- и внутривполитическом раскладе старшинские кланы в целом продолжали свою успешную жизнедеятельность. Во второй половине XVII в. подобная стратегия означала постоянную готовность к пересмотру Переяславских соглашений и попыткам выйти из состава России, которую демонстрировали гетманы Иван Выговский, Юрий Хмельницкий, Петр Дорошенко и т. д., не говоря уже об отдельных полковниках или кошевых атаманах запорожцев, регулярно задумывавшихся об «измене».

Несмотря на сравнительно высокий уровень развития политической культуры, Малороссия не могла похвастаться длительным государственным суверенитетом. Смена политической элиты в ходе восстания Б. Хмельницкого, когда значительная часть шляхты была изгнана, а функции политической элиты перешли к казацкой старшине, затрудняла нобилитацию последней в России и, следовательно, включение ее во властные структуры империи. Молодость казацкой старшины как привилегированного сословия и, как следствие, ее социальная однородность препятствовали и выделению в ней нескольких наиболее влиятельных семейств, которые могли бы быть просто инкорпорированы в состав политической элиты страны, как, например, это было сделано по отношению к татарским мурзам, кавказским князьям, казахским ханам и т. п.; признать дворянское достоинство за всей казацкой старшиной или вообще за всем казачеством² — означало подорвать социальную базу российского дворянства. Вместе с тем социальные амбиции старшины делали невозможным официальный отказ в подобном признании.

В результате *de facto* в конкретных, достаточно многочисленных, случаях за выходцами из казацкого сословия признавалось их благородное происхождение, о чем см. ниже, но *de jure* даже в 1731 г. Сенат утверждал, что «в Малороссии дворян нет», и на этом основании запрещал поступление детей малороссийской старшины в Шляхетский кадетский морской корпус. Спустя два года был поднят вопрос

² Представления о поголовном «льщарстве» казаков и противопоставление казаков и посполитых (крестьян) были отражены в казацком летописании, см.: Лукашова С. С. Культурное пограничье: «свои» и «чужие» в казацком летописании XVIII в. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 34–52.

об установлении соответствия между малороссийскими и великороссийскими чинами, но и он был «отложен». Разрешить эту проблему удалось только при Екатерине II, когда процесс структурного объединения Малороссии и России был уже необратим. Только в 1762 г. был издан указ «всему малороссийскому шляхетству прислать в герольдию списки с точными доказательствами об их шляхетстве и показанием полученных тем шляхетством от польских королей и от российских государей грамот». В 1765 г. была предпринята пробная попытка перевода казацких старшинских должностей в таблицу о рангах в отношении полков Слободской Украины. Перевод был осуществлен с понижением в армейских чинах на одну-две ступени, например, казацкие полковники были приравнены по чину к подполковникам российской армии или к надворным советникам VII класса, что и вызвало массовые протесты со стороны слободских урядников³. В дальнейшем нобилитация старшины происходила только в индивидуальном порядке и завершилась лишь во второй половине XIX в.

В международном праве заключение брака между представителями политических элит с древнейших времен использовалось как способ обеспечения лояльности или вассальной верности. Для Малороссии XVII–XVIII вв. это было исключительно редким явлением, что также было связано с «молодостью» и неурегулированностью социального статуса казацкой старшины.

Известно всего о трех попытках заключения брака между представителями великорусской и малороссийской элиты, в обоих случаях инициаторами сближения выступали гетманы. В составе политической элиты Малороссии гетманы занимали, как им казалось, недостаточно привилегированное положение, и на протяжении второй половины XVII — первой четверти XVIII в. можно отметить их регулярные попытки повысить свой статус, в том числе и за счет брачных союзов.

Гетман И. Брюховецкий во время своей поездки в Москву в 1665 г. просил царя подыскать ему невесту. Выбор пал на паритетную, как

³ *Миллер Д. П.* Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Превращение казацкой старшины в дворянство. Правящий класс Украины после ее воссоединения с Россией. Киев, 1897. С. 8, 9, 21 и др.; *Ефименко А. Я.* Малорусское дворянство и его судьба // Ефименко А. Я. Очерки истории Правобережной Украины: Малорусское дворянство и его судьба. М., 2011. С. 145–199.

показалось царскому окружению, фигуру Дарьи Исканской, племянницы главы московских стрельцов Ивана Тимофеевича Елагина и падчерицы царского окольного князя Дмитрия Александровича Долгорукова⁴. Неизвестно, был ли удовлетворен Брюховецкий соловным статусом своей невесты, но уже в 1668 г. он поднял восстание против Москвы и перешел «под руку» Османской империи.

Гетман И. Самойлович также считал необходимым укрепить свое положение за счет матримониальных связей. В 1681 г. он просил у царя Федора Алексеевича дозволения выдать свою дочь Прасковью за представителя знатного боярского рода. Принципиальное разрешение на брак было получено, но имя жениха указано не было. После долгих переговоров в 1682 г. зятем гетмана стал Федор Петрович Шереметев. Спустя короткое время молодожен был повышен по службе и стал киевским воеводой и боярином, однако его отец П. В. Большой Шереметев перестал поддерживать отношения с сыном, возможно, воспринимая этот брак как мезальянс. Характерно, что и Иван Самойлович был арестован в 1687 г. по обвинению в государственной измене и отправлен в ссылку⁵.

Наконец, третий брак был заключен по личному указанию Петра I между дочерью гетмана И. Скоропадского Ульяной и графом Петром Петровичем Толстым в 1718 г., который первым из великороссиян получил должность полковника в Войске Запорожском. Только этот брак можно считать успешным с точки зрения подтверждения лояльности: до самой своей смерти в 1722 г. гетман пользовался полным доверием императора.

Заключение брака между представителями политических элит зачастую являлось одной из наиболее древних разновидностей заложничества, которое было призвано обеспечить стабильность межплеменных, а впоследствии межгосударственных отношений. В соответствии с нормами права античности и средневековья, заложник — это человек, который передавался одной договаривающейся стороне другой в качестве подтверждения намерения соблюдать

⁴ *Кривошея В.* Козацька еліта Гетьманщини. Київ, 2008. С. 182; *Горобець В.* Гетьман Руїни. Іван Брюховецький та Москва. Київ, 2017. С. 186–203.

⁵ *Кочегаров К. А.* Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М., 2012. С. 15–152; *Алмазов А. С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012. С. 195–197.

условия заключенного договора — международного, вассального или имущественного. Существовало множество вариантов заложничества, которое могло быть добровольным или вынужденным, взаимным или односторонним, гендерным и т. д.

Одностороннее заложничество-аманатство широко использовалось во взаимоотношениях с народами, входившими в сферу политических интересов России. Некоторые исследователи утверждают, что оно было унаследовано из политической практики Золотой орды, что подтверждает использование тюркоязычных терминов⁶. Практика взятия заложников из числа представителей знатных родов была одним из важнейших инструментов внутренней и внешней политики Московского государства / России / Российской империи на Северном Кавказе, в Поволжье, Приуралье, Средней Азии и Сибири, ее изучению посвящена обширная историография⁷. Исследователи подчеркивают, что существовала значительная разница между применением этой практики в различных регионах: если для кавказских народов аманатство служило способом укрепления политической лояльности региональных политических элит, то в Сибири — гарантией своевременной выплаты ясака и механизмом внеэкономического принуждения к труду. Можно выделить и отдельные исторические этапы, развившиеся по степени добровольности выдачи заложников, их числу от каждой этнической группы, характера содержания аманатов на территории России и т. д. В большинстве случаев аманаты размещались в местных гарнизонах или в близлежащих крупных городах на казенном обеспечении, фактически на положении пленников. Лишь самые высокородные заложники получали возможность жить своим двором и держать слуг и даже свиту. В XVIII в. можно говорить о нарастающей тенденции увеличивать число представителей от каждого этноса, которая, однако, сопровождалась улучшением их материального обеспечения, предоставлением детям

⁶ *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления подданства у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 140.

⁷ *Васильев Д. В.* Рождение империи. Юго-восток России: XVIII — первая половина XIX в. СПб., 2020; *Озова Ф. А.* Роль института аманатства в русско-черкесских отношениях (1552–1864) // Клио. 2017. № 11 (131). С. 121–128; *Избасарова Г. Б.* Имперские механизмы управления окраинами: башкиры, калмыки, казахи в XVIII–XIX вв. // Вестник Российской нации. 2017. № 2 (54). С. 113–124; *Самрина Е. В.* Аманатство как социально-политический институт присоединения и покорения новых территорий к Российскому государству в XVII–XIX веках // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 49. С. 63–69 и др.

школьного обучения, а также возможности сделать карьеру в русской армии; все это становилось одним из элементов русификационной политики⁸. Институт аманатства использовался вплоть до исчезновения черт политической автономии у интегрированных народов и просуществовал до второй половины XIX в.

Выходцы из казацкой старшины, в первую очередь дети гетмана, рассматривались как носители достаточно высокого статуса, которые заслуживали поселения в непосредственной близости к царскому / императорскому двору. Их размещением занимался Посольский приказ. Их положение сопоставимо с «почетным заложничеством» у кавказских народов. Безусловно, неполноправный статус аманата осознавался, но не воспринимался как плен или оскорбление. В 70–80-х гг. XVI в. для сыновей малороссийского гетмана И. Самойловича Семена, Григория и Якова, попеременно живших в Москве в качестве заложников, на казенные средства был куплен двор «с каменным и з деревянным строением». За счет казны же дети получали бархат, атлас и сукно на одежду, книги и иконы для богослужения, дорогостоящие пряности и импортное вино⁹. Дети приезжали со свитой, в нее входили духовник батуринский игумен Исаакий, учитель Павел Ясликовский (или Васильковский), слуга Иосип Куцкович, а также дворецкий Богдан Лисов «со товарищи». Когда в 1682 г. дочь гетмана Прасковья вышла замуж за князя Ф. П. Шереметева, она фактически стала выполнять функцию обеспечителя, ее младший брат Яков Самойлович был отпущен домой, а двор был подарен гетману в качестве официальной резиденции¹⁰.

⁸ *Озова Ф. А.* Институт аманатства в кавказской политике Петра I // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 3. С. 220–229; *Избасарова Г. Б.* «Почетные заложники» как отражение государственной политики Российской империи к подвластным народам в XVIII–XIX вв. (на примере казахов Младшего жуза) // Клио. 2016. № 6 (114). С. 44–51; *Абдулаева М. И., Кидирниязов Д. С.* Институт аманатства в контексте военного образования кавказских горцев // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 4. С. 11–16; *Кидирниязов Д. С.* Ногайцы — офицеры российской армии (XVI — начало XX в.) // Проблема социально-политического развития народов Северного Кавказа в последней трети XIX — начале XX века: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. Махачкала, 2014. С. 118–126.

⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 3. Ед. хр. 278, 281.

¹⁰ *Алмазов А. С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений. С. 191–193.

Аманатом мог стать не только сын гетмана. В правление упомянутого выше И. Скоропадского сын миргородского полковника Даниила Апостола, Петр Апостол, был «взят» в Санкт-Петербург и жил в доме князя А. Д. Меншикова, причем получил там дополнительное образование. Статус заложника не помешал ему жениться на смоленской дворянке, обзавестись детьми и служить в качестве секретаря Меншикова, выполняя его конфиденциальные поручения¹¹. Домой он смог вернуться только когда в 1723 г. в Петербурге был арестован его отец по делу челобитного посольства П. Полуботка (таким образом, Петр Апостол уже не мог быть обеспечителем лояльности казацкой старшины). В мае 1727 г. Д. Апостол был восстановлен в должности миргородского полковника и вернулся в Малороссию, ему на замену в Санкт-Петербург выехал младший сын, Павел Апостол. Когда в октябре того же года Даниил Апостол был избран гетманом, он передал свою должность полковника Павлу, и тот исполнял ее, находясь в Петербурге, а Петр Апостол в чине лубенского полковника должен был жить в Москве. В 1730 г. братья вернулись на родину, однако в Великороссии продолжал находиться внук гетмана Павел Иванович Апостол, который воспитывался в Санкт-Петербурге, в 1739 г. стал сержантом лейб-гвардейского Преображенского полка, а затем прапорщиком Семеновского полка.

Еще одним способом инкультурации можно считать принудительное поселение в пределах Великороссии представителей старшины, обвиненных или подозреваемых в нелояльности. Данная разновидность отчасти напоминает ссылку, с той разницей, что место жительства назначалось в одной из столиц. Поселенцы могли находиться под строгим надзором или же «ходили за караулом», т. е. свободно перемещались по городу. В Москве они расселялись вблизи Малороссийского подворья на Покровке, кормились за свой счет. Москва могла стать местом поселения для отбывших «настоящую» ссылку в Сибири или Архангельске. Например, в 1677 г. брат бывшего гетмана Петра Дорошенко Григорий был отпущен из ссылки в Сибири и был поселен в Москве вблизи двора сына гетмана Семена Самойловича, которому он составлял своеобразную свиту¹². Аналогично

¹¹ Козут З. Коріння ідентичності: Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004. С. 413.

¹² Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. 1. Киев, 1908. С. 452.

Даниил Забела за донос на гетмана И. Скоропадского был в 1718 г. выслан в Архангельск, на рубеже 1723–1724 гг. переведен на поселение в Москву и только в 1727 г. отпущен в Малороссию¹³.

Массовое расселение нелояльной старшины в Москве началось после изгнания Карла XII из Малороссии. Первая группа поселенцев представляла собой заподозренных в близости к Мазепе, в отношении которых не было ни веских доказательств измены, ни твердого поручительства, а также возвращающихся из эмиграции. Разбирательства в отношении сторонников Мазепы продолжались на протяжении 1710–1720-х гг., например, Яков Золотаренко-Хмельницкий «был взят» в Москву в 1717 г., где и умер. Войсковой канцелярист И. Максимович возвратился из Константинополя в 1715 г., «был взят» в Москву, где в 1722–1726 гг. был справщиком и библиотекарем Синодальной типографии. Умер в Москве же в 1732 г.¹⁴ Малороссийский и гетманский дворы в Москве получали финансирование из казны, вокруг них формировалась малороссийская диаспора, по доброй воле или принудительно знакомившаяся с реалиями великорусской жизни.

Если поселение в Москве заподозренных в измене казаков можно объяснить интересами следствия, то «взятие» членов семей мазепинцев, ушедших вслед за Карлом в Бендеры, отчетливо указывает на заложничество. Так, И. А. Бутович, младший брат ушедшего с Мазепой Г. А. Бутовича, в 1712 г. был поселен в Москве, а отпущен в 1715 г., когда брат вернулся из эмиграции и сам оказался в московской ссылке. Интересно, что дети соратников Мазепы рассматривались не как «враги народа», а скорее как аманаты. Есть сведения по меньшей мере о восьми молодых людях, зачисленных в Преображенский и Семеновский лейб-гвардейские полки на сержантские должности, причем именно в то время, когда их отцы находились в тюрьме или в «настоящей» ссылке.

Аналогичным образом Санкт-Петербург становится местом пребывания наиболее важных аманатов и ссыльных. Как уже упоминалось, представители казацкой старшины, арестованные по делу П. Полуботка (Д. Апостол, Я. Лизогуб, Р. Корицкий, В. Жураковский,

¹³ Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 2. Киев, 1910. С. 80.

¹⁴ Кривошея В. Генеалогія українського козацтва. Переяславський полк. Київ, 2004. С. 96.

М. Милорадович и др.) после смерти Петра I были выпущены из Петропавловской крепости, но им было запрещено покидать Санкт-Петербург. Они должны были купить себе дома в столице и жить там за свой счет. В 1727 г. произошло общее смягчение отношения к ним, заложников перевели в Москву, а в начале 1728 г. — отпустили в Малороссию. Бывший генеральный есаул Василий Жураковский не уехал на родину, а добровольно остался в Москве, где и жил до самой смерти в 1730 г.

Племянники арестованного П. Полуботка Петр и Яков Мировичи (сыновья Ф. Мировича, генерального есаула у гетмана Ф. Орлика) были отданы для обучения в петербургский Морской госпиталь; после в 1726 г. их было велено определить в гимназию при петербургской академии, «а в Малую Россию не отпускать никогда»¹⁵. В 1728–1729 гг. Петр был секретарем цесаревны Елизаветы Петровны, а Яков — секретарем гр. А. Потоцкого, т. е. они рассматривались как люди благонадежные и благородного происхождения.

Однако наиболее важным направлением интеграционной политики служила практика приглашения отдельных категорий интеллектуальной элиты для службы на территории Великороссии. Важнейшим из векторов «украинского влияния» следует считать рекрутацию черного духовенства (монахов, игуменов и архимандритов Киевской митрополии) с их дальнейшим карьерным ростом. Выходцы из Малороссии в отдельные годы XVIII в. могли составлять большинство членов Синода и до половины состава правящих архиереев и настоятелей важнейших монастырей Русской православной церкви¹⁶.

Несмотря на значительный политический вес, «малороссийское влияние» высшего духовенства было сравнительно ограниченным. Во-первых, императоры регулярно перемещали их с кафедры на кафедру и из обители в обитель. Во-вторых, после приобретения высокой должности, особенно членства в Синоде, выходцы из Малороссии утрачивали национальное своеобразие и становились активными проводниками имперской идентичности. Малороссы, занявшие влиятельную должность, стремились пригласить к себе сразу по приезду

¹⁵ Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. 3. Киев, 1912. С. 550.

¹⁶ Лукашова С. С. Малороссийские архиереи русской православной церкви в 1700–1771 годах // Русские об Украине и украинцах. Очерки. СПб., 2012. С. 69–121.

некоторое количество земляков (администраторов, казначеев, библиотекарей, чтецов, певчих и т. д.), которым они могли доверять и которые обеспечивали привычное окружение. С перемещением патрона на новое место его приближенные иногда теряли свое привилегированное положение: если должность получал враждебно настроенный великоросс, он мог изгнать клеветов своего предшественника, и они или искали новое место, или возвращались на родину. Даже приблизительные размеры этой эмиграции неизвестны, судьба переселенца зависела от многих обстоятельств.

Белое духовенство в рамках православной церкви всегда отличалось меньшей степенью влиятельности и было теснее связано с паствой, однако уже с правления Петра при дворе появилась практика брать в духовники малороссиян. Сам Петр, не стесняясь нарушением традиций, выбрал своим духовником простого сельского протоиерея со Слободской Украины Т. Надаржинского; после смерти императора Надаржинский стал духовником и Екатерины I. Выходцы из Малороссии были духовниками сестер Петра Екатерины, Марии и Натальи, детей и внуков императора. Протоиерей К. Шаргородский до самой своей смерти был духовником сначала цесаревны, а затем императрицы Елизаветы Петровны; эту должность он передал своему зятю Ф. Дубянскому, выходцу с Правобережной Украины, который сумел удержаться и при дворе Екатерины II.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что число выходцев из Малороссии, допущенных в светские властные структуры империи, — считанные единицы, десятые доли процента, в большинстве своем фавориты императоров. При дворе Елизаветы Петровны образовалось несколько центров малороссийского влияния, лидеры которых, как духовные, так и светские, активно покровительствовали другим выходцам из Малороссии, но конкурировали между собой. Невысокий и неопределенный сословный статус поощрял представителей малороссийской старшины к продолжению службы в Великороссии, хотя бы и на должностях переводчиков, делопроизводителей Синода, Сената, Коллегии иностранных дел, секретарей русских вельмож и воспитателей их детей. Их надежды подогревались примерами блистательной карьеры князей Разумовских и Безбородко, графов Заводовских, Лизогубов, Кандыб, Марковичей, Милорадовичей и др.

Таким образом, вовлечение малороссийской политической элиты во властные структуры Российской империи XVIII в. было

продиктовано, с одной стороны, закономерностями интеграционных и унификационных тенденций внутри империи; государство регламентировало объем, направления и способы инкорпорации старшины, определяя рамки допустимых социальных и политических изменений в стране. С другой стороны, этот процесс подкреплялся высоким уровнем сословной конкуренции, дифференциации и стратификации внутри малороссийской старшины. Конец XVIII в. ознаменовался сменой политических ориентиров: средоточие власти и влияния для старшины окончательно переместилось в Санкт-Петербург, а Малороссия стала осознаваться как окраина и провинция.

Литература

Абдулаева М. И., Кидирниязов Д. С. Институт аманатства в контексте военного образования кавказских горцев // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 4. С. 11–16.

Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М.: Изд-во Румянцевского музея, 2012. 285 с.

Васильев Д. В. Рождение империи. Юго-восток России: XVIII — первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.

Горбонець В. Гетьман Руїни. Іван Брюховецький та Москва. Київ: Києво-Могилянська академія, 2017. 247 с.

Избасарова Г. Б. «Почетные заложники» как отражение государственной политики Российской империи к подвластным народам в XVIII–XIX вв. (на примере казахов Младшего жуза) // Клио. 2016. № 6 (114). С. 44–51.

Избасарова Г. Б. Имперские механизмы управления окраинами: башкиры, калмыки, казахи в XVIII–XIX вв. // Вестник Российской нации. 2017. № 2 (54). С. 113–124.

Кидирниязов Д. С. Ногайцы — офицеры российской армии (XVI — начало XX в.) // Проблема социально-политического развития народов Северного Кавказа в последней трети XIX — начале XX века: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Первой мировой войны. Махачкала: ЧГУ, 2014. С. 118–126.

Когут З. Коріння ідентичності: Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ: Критика, 2004. 352 с.

Кочегаров К. А. Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. 224 с.

Кривошея В. Генеалогія українського козацтва. Переяславський полк. Київ: Стилос, 2004. 418 с.

Кривошея В. Козацька еліта Гетьманщини. Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураца, 2008. 452 с.

Лукашова С. С. Малороссийские архиереи русской православной церкви в 1700–1771 годах // Русские об Украине и украинцах. Очерки. СПб.: Алетейя, 2012. С. 69–121.

Озова Ф. А. Институт аманатства в кавказской политике Петра I // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 3. С. 220–229.

Озова Ф. А. Роль института аманатства в русско-черкесских отношениях (1552–1864) // Клио. 2017. № 11 (131). С. 121–128.

Самрина Е. В. Аманатство как социально-политический институт присоединения и покорения новых территорий к Российскому государству в XVII–XIX веках // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 49. С. 63–69.

Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления подданства у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 255 с.

References

Abdulaeva M. I., Kidirniiazov D. S. Institut amanatstva v kontekste voennogo obrazovaniia kavkazskikh gortsev. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2015, no. 4, pp. 11–16.

Almazov A. S. *Politicheskii portret ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v kontekste rusko-ukrainskikh otnoshenii (1672–1687 gg.)*. Moscow: Izdatel'stvo Rumiantsevskogo Muzeia, 2012. 285 p.

Horobets' V. *Heľman Ruiny. Ivan Briukhovets'kyĭ ta Moskva*. Kyiv: Kyievo-Mohylians'ka akademiia, 2017. 247 p.

Izbasarova G. B. “Pochetnye zalozhniki” kak otrazhenie gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi imperii k podvlastnym narodam v XVIII–XIX vv. (na primere kazakhov Mladshego zhuza). *Klio*, 2016, no. 6 (114), pp. 44–51.

Izbasarova G. B. Imperskie mekhanizmy upravleniia okrainami: bashkiry, kalmyki, kazakhi v XVIII–XIX vv. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 2017, no. 2 (54), pp. 113–124.

Kidirniiazov D. S. Nogaitsy — ofitsery rossiiskoi armii (XVI — nachalo XX v.). *Problema sotsial'no-politicheskogo razvitiia narodov Severnogo Kavkaza v poslednei treti XIX — nachale XX veka. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu Pervoi mirovoi voiny*. Makhachkala: ChGU, 2014. Pp. 118–126.

Kochegarov K. A. *Russkoe pravitel'stvo i sem'ia ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v 1681–1687 gg.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2012. 224 p.

Kohut Z. *Korinnia identychnosti: Studii z rann'omodernoĭ ta modernoi istorii Ukraïny*. Kyiv: Krytyka, 2004. 352 p.

Kryvosheia V. *Henealohiia ukrains'koho kozatstva. Pereiaslavs'kyi polk*. Kyiv: Stylos, 2004. 418 p.

Kryvosheia V. *Kozats'ka elita Het'manshchyny*. Kyiv: IPIEND imeni I.F. Kurasa, 2008. 452 p.

Lukashova S. S. Malorossiiskie arkhieri russkoi pravoslavnoi tserkvi v 1700–1771 godakh. *Russkie ob Ukraine i ukrainsakh*. Ocherki. St. Petersburg: Aleteia, 2012. Pp. 69–121.

Ozova F. A. Institut amanatstva v kavkazskoi politike Petra I. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2015, vol. 157, no. 3, pp. 220–229.

Ozova F. A. Rol' instituta amanatstva v russko-cherkesskikh otnosheniakh (1552–1864). *Klio*, 2017, no. 11 (131), pp. 121–128.

Samrina E. V. Amanatstvo kak sotsial'no-politicheskii institut prisoedineniia i pokoreniia novykh territorii k Rossiiskomu gosudarstvu v XVII–XIX vekakh. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*, 2013, no. 49, pp. 63–69.

Trepavlov V. V. “*Belyi tsar*”: obraz monarkha i predstavleniia poddanstva u narodov Rossii XV–XVIII vv. Moscow: Vostochnaia literatura, 2007. 255 p.

Vasil'ev D. V. *Rozhdenie imperii. Iugo-vostok Rossii: XVIII – pervaiia polovina XIX v.* St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2020. 608 p.